

МЕЙЛАНОВА У. А.

О ТЕРМИНОЛОГИИ СВОЙСТВА В ЯЗЫКАХ ЛЕЗГИНСКОЙ ГРУППЫ

(Опыт сравнительно-исторического анализа)

Номенклатура родственных отношений, как известно, включает в себя две обширные группы лексэм — названия представителей кровного и некровного родства. Последняя группа, как правило, значительно шире, ибо связана с институтом брака и семейных отношений, не говоря уже о целом ряде смежных терминов, которые примыкают именно к группе названий некровного родства или свойства.

В группе терминов свойства заимствований и описательных выражений больше, чем в группе терминов кровного родства, что становится понятным, если учесть исторически более позднее возникновение этой группы. Тем не менее именно номенклатура свойства представляет большой научный интерес как совокупность лингвистических фактов, свидетельствующих об исторических связях народов, с одной стороны, и о возможностях языка, с другой.

Само собою разумеется, что устойчивость и некоторая консервативность языка не позволяют ему прямо и непосредственно следовать за всеми изменениями, происходящими в структуре общества, в данном случае в семье, и в целом в отношениях родства и свойства. Язык отражает эти изменения своеобразно, путем последовательной мобилизации своих различных возможностей, что предполагает создание словосочетаний из имеющегося в языке материала, заимствования из других языков, а также переквалификацию и перераспределение терминов. Как заметил Ф. Энгельс, формы семьи изменяются быстрее, чем система родства [1], и поэтому у многих народов имеются значительные расхождения между современной формой семьи, системой родственных отношений и терминами родства.

Науке известны языки, в которых терминология свойства почти не развита или развита очень слабо. Такое положение объясняется экзогамными брачными отношениями. Термины кровного родства и свойства в таких языках оказываются почти идентичными. Исследователь культуры и языка народов Северной Азии Л. Я. Штернберг пишет, в частности, об одной из народностей Сахалина следующее: «Гиляцкая терминология не знает родства по свойству, ибо тесть во всяком случае то же, что сын брата бабушки, зять человека — сын сестры его отца, отец зятя — сын сестры деда и т. д., и, следовательно, все члены обоих родов как бы кровные родственники между собой» [2]. Таким образом, терминология свойства находится в тесной связи с историей народа и отражает пройденный им путь в одной из сложных его сфер — в семейно-брачных отношениях.

В дагестанских языках эта лексическая группа исследована крайне слабо. Вывод о том, что в обозначениях некровного родства истончены основы или вовсе не развиты или развились в очень ограниченной степени и обрываются на близкородственных подгруппах, не доходя до прадагестанского уровня, представляется нам в значительной мере предварительным и общим [3, с. 277]. По нашему глубокому убеждению, вопрос о номенклатуре свойства в дагестанских языках заслуживает более пристального внимания и специального исследования. Между тем, строго говоря,

он почти не исследован. Мы говорим почти, имея в виду небольшой раздел о терминах родства в коллективном труде по лексике дагестанских языков, где подвергаются сравнительно-историческому анализу лишь несколько лексем, в основном из номенклатуры кровного родства, сохранившихся в двух или более близкородственных подгруппах дагестанских языков [3, с. 127—134]. В едва ли не единственной специальной работе — статье Л. Б. Панек, посвященной терминам родства в дагестанских языках, содержится самая общая характеристика пяти-шести терминов кровного родства в аварском, арчинском и хиналугском языках [4; ср. также 5]. При этом автор никак не объясняет и ничем не мотивирует выбор из множества дагестанских языков именно трех названных языков и рассматриваемых им терминов кровного родства.

Настоящая статья, не претендуя на исчерпывающую полноту решения вопроса, является первым опытом сравнительно-исторического анализа основных терминов свойства во всех десяти языках лезгинской группы восточнокавказских языков. Группа эта, как известно, объединяет два письменных языка — лезгинский и табасаранский и восемь бесписьменных языков: агульский, рутульский, цахурский, будухский, крызский, хиналугский, удинский и арчинский.

Предметом рассмотрения является следующая родственная номенклатура: муж (мужчина), жена (женщина), сомужница (жены одного мужа), ятровь (жена деверя, невестка), свекор, свекровь, тесть, теща, отчим, мачеха, вдовец, вдова, жених, зять (муж дочери, сестры, тети), невеста, новобрачная, невестка, сноха, деверь (брат мужа), золовка (сестра мужа), шурин (братья жены), свояченица (сестра жены), свояк (муж свояченицы), пасынок, падчерица, семья, женитьба (свадьба).

Анализ номенклатуры свойства целесообразно начать с терминов, обозначающих мужа и жену, — чету необходимых слагаемых, из которых складывается семья, и вместе с тем широко распространенных в лезгинских языках.

Термин «муж (мужчина)»: лезг. *гъуъл*, *гIуъл*, *итим*, *этем*; таб. *жилир*, *жилур*; агул. *шуй*, *хъуьй*; рут. *выггыл*; цах. *адами*; буд. *фури*; крыз. *фири*; хинал. *лыгылд*; уд. *ишу*; арч. *лъеле*, *бушор* «муж» (ср. лезг. *итим*, *этем*; таб. *жилир*, *жилур*; агул. *шуй*, *хъуьй*, *идеми*; рут. *выггыл*, *эдеми*; цах. *адами*; буд. *фури*; крыз. *фири*; хинал. *лыгылд*; уд. *ишу*; арч. *мелъетту*, *бушор* «мужчина»). Как можно видеть, обозначение мужа в лезгинских языках является почти всегда идентичным с более широким и исторически первичным названием мужчины вообще, которое в свою очередь восходит к праформе **руггул* [6, с. 111] что означает существо мужского пола, сохранившейся в этом значении в диалектах лезгинского языка.

Начальные элементы *р*, *в*, *л*, представленные в диалектных формах лезгинского языка, а также в рутульском и хиналугском языках, являются, на наш взгляд, застывшими показателями грамматического класса [7]. В лезгинском литературном языке для передачи понятия «муж» функционирует форма, уже лишенная классных экспонентов. К этой же основе примыкает и табасаранская форма *жилир*, поскольку корневой *ж*, не являющийся рефлексом аффрикаты *дж*, может восходить к исконному ффрикативному **гг* (ср. лезг. *зур*, *жур* < *ггуър* «половина»; *звал*, *жвал* < *ггвел* «кипение» и др.). Нам представляется, что с этими основами перекликается и осет. *джир*, где начальное *дж* восходит к *г* [8, I, с. 6].

Однокорневыми являются агульские формы *шуй*, *хъуьй*, арчинские *бушор*, *лъеле* (*мелъетту*), где форматив *-тту* есть не что иное, как словообразующий аффикс. Ввиду того, что соответствие между глухими спирантами *ш*, *хъ*, *ф* — явление обычное для лезгинских языков [9], сюда же должны быть отнесены будухская и крызская формы — *фури*, *фири*.

Лишь в цахурском языке исконная основа полностью вытеснена арабской лексемой *adam*, которая в значении «человек, мужчина» распространена по всему Кавказу. Так, В. И. Абаев приводит вариации этого слова в грузинском и осетинском языках в значении «человек, люди, народ» [8, I, с. 29]. Эта форма параллельно с исконной функционирует и в других лезгинских языках.

Для обозначения жены (женщины) в лезгинских языках существуют лексемы: лезг. *паб*, *хнуб*, *хнупI*; таб. *шив*, *шивур*, *хиппир*; агул. *хыр*, *хевед*; рут. *къари*; цах. *хунашше*; буд. *гьедж*; крыз. *хыныб*, *хенеб*; хинал. *хинимкIир*, уд. *чубух*, *чубох*; арч. *лъеннол*, *лъенеттур* «жена», (ср. лезг. *паб*, *хнуб*, *хнупI*; таб. *шив*, *шивур*, *хиппир*; агул. *хевед*, *хунбеф*; рут. *хыдылды*; цах. *хунашше*; буд. *гьедж*; крыз. *хыныб*, *хенеб*; хинал. *хинимкIир*; уд. *чубух*, *чубох*; арч. *лъеннол*, *лъенеттур* «женщина»).

Так же, как и предыдущее слово, эта лексема в лезгинских языках является общекорневой и идентичной с более древней основой, означающей женщину, существо женского пола вообще. Надо полагать, что семантика «жена, супруга» у этой лексемы более поздняя, вторичная. Почти во всех лезгинских языках представлена общая исконная основа, соответствия которой выходят далеко за пределы ареала лезгинской подгруппы в другие дагестанские языки (ср. дарг. *хунул*, лак. *шшар*, авар. *лълъади*), где корневой консонант *хъ* в языках лезгинской группы дал спирант *ш* (исторически он возводится к латералу *лъ*, сохранившемуся из лезгинских языков лишь в арчинском). Чередование согласных основы *р*, *д*, *в*, *н* для дагестанских языков закономерно [10]. Особняком стоят будухская форма *гьедж* и удинская *чуб-ух*, *чуб-ох*, хотя они, безусловно, исконные. Элементы *-ух* и *-ох* удинских форм являются, по всей вероятности, былыми показателями мн. числа [11]. Сохранение их в лексеме «женщина > жена» пока объяснить трудно, хотя и наталкивает на мысль об отражении здесь эволюции семьи и ее членов. Лишь в рутульском языке общелезгинская основа полностью утрачена и заменена тюркским *къари* «старуха». Эта лексема факультативно встречается и в некоторых других лезгинских языках. В самих тюркских языках, как, например, в турецком и гагаузском, это слово имеет еще и значение «жена, женщина» [12, с. 60].

Термин «другая жена мужа, сомужница» представлен лексемами: лезг. *кьев*; таб. *къаьмиш*; агул. *амиш*; рут. *къаьй*; цах. *къаьй*; буд. *гуьнуь*; крыз. *кьев*; хинал. *къоь*, *гуьнуь*; уд. *гуьнуьх*. Вторую жену многоженца почти все лезгинские языки обозначают единой исконной основой, восходящей к числительному «два», которое состоит из корневого элемента **къе*-и конечного показателя грамматического класса. Любопытно, что в хиналугском языке, где грамматический класс функционирует как живая категория, лексема *къаь* утратила конечный классный показатель, а лезгинский язык, в котором классы утрачены, сохранил именно в данной лексеме показатель класса *-в*. Агульская форма *амиш* утратила корневой *къ*, включающий в себя понятие «два, вторая» (ср. таб. *къаьмиш*). Из анализа приведенных форм можно заключить, что у горцев, в частности, у носителей лезгинских языков, многоженство ограничивалось лишь приведением второй жены, на что зачастую толкали жизненные обстоятельства, как правило, бесплодие или болезнь первой жены. Что касается третьей и последующих жен, то для них ни в одном из лезгинских языков специальных названий не прослеживается. Все они, если таковые были, именовались бы только приведенным одним термином, в форме мн. числа: *кьевер*.

Сказанное об анализируемом термине свидетельствует о своеобразном жизненном укладе в горах, где не получил широкого развития институт многоженства. Как известно, в отличие от дагестанских языков в некоторых тюркских и других языках имеет место развитая номенклатура для жен одного мужа. Так, по свидетельству М. Ауэзова, в казахском языке есть несколько названий для жен многоженца — старшая из жен, имеющая больше прав на имущество, а дети ее на наследство, носит имя *байбише* «богатая жена», а самая младшая, почти лишенная этих прав, — *токъал* «младшая жена».

Термин *гуьнуь* будухского, хиналугского и удинского языков скорее всего ареальный тюркизм, известный и в некоторых азербайджанских диалектах (др.-тюрк. *кйи* «положение одной наложницы по отношению к другой» [13, с. 327]).

Понятие «ятровъ» (жены братьев по отношению друг к другу, невестки) передается здесь следующими лексемами: лезг. *къелид*; таб. *къелид*; агул.

кьыльд; рут. *седиван*; цах. *кьабджам*; буд. *кьыльд*; крыз. *кьыльд*; уд. *кьылдар*.

По всем лезгинским языкам, за исключением хиналугского и арчинского, где этого слова нет вообще, сохранилась исконная общекорневая лексема, которая, по-видимому, восходит к тюрк. *kelin* «невеста, невестка» [13, с. 296]. Особняком стоит рут. *седиван*, которое предположительно является переосмысленным заимствованием из грузинского (ср. груз. *sidedr-i*, что означает «теща»).

Термин «ятровь» имеет узкий круг употребления, только в отношении жен родных братьев. О посторонних женщинах *кьелид* могут сказать лишь для характеристики их злого нрава или сварливости.

Обозначения свекра и тестя: лезг. *кьужа*, *апай*; таб. *сиджар аба*, агул. *шуван дада*; рут. *кьужа*, цах. *хьунашшена дек*; буд. *кьайин ата*; крыз. *кьужа*; хинал. *кьайин ата*; уд. *кьайин баба*; арч. *вакькьад «свекор»*, лезг. *апай*, *йаран буба*; таб. *сиджар аба*; агул. *хьиджар дад*, *сиджар гаг*, рут. *гаг*; цах. *хьунашшена дек*; буд. *кьайин ата*, *сузу ата*; крыз. *кьайин ата*; хинал. *чунчилаь бый*; уд. *кьайин баба*; арч. *вакькьад «тесть»*. Сравнение материала по всем лезгинским языкам, за исключением арчинского, говорит о том, что ни в одном из членов лезгинской языковой группы нет и, по-видимому, не было самостоятельного названия ни для свекра, ни для тестя. Все приведенные названия составляют или прямое заимствование слова с последующим его переосмыслением (ср. *кьужа* «старик»), или описательное выражение, построенное на базе терминов «жена» и «отец» соответствующего языка (таб. *сиджар аба*, цах. *хьунашшена дек* и др.), или комбинацию из исконного и заимствованного слов (буд. *сузу ата*), или, наконец, заимствованное целиком описательное выражение (*кьайин ата*).

Особо следует остановиться на термине *вакькьад*, существующем для обозначения свекра или тестя в арчинском языке. Слово, несомненно, усвоено из аварского языка и по своей структуре является сложным образованием. Первая часть этой лексемы *ва-* содержит в себе окаменелый показатель класса мужчин и передает понятие мужского начала, затем идет корневой латерал *-кьъ*, который восходит к глаголу *икъла* «сказать, назвать», представленному в современных андийских языках, и далее — конечный словообразующий суффикс. В целом, таким образом, лексема означает «отец сказанный» или «отец названный»¹.

В лезгинских языках представлены следующие лексемы для обозначения свекрови и тещи: лезг. *кьари*, *паб*; таб. *сиджар баб*; агул. *сиджар баб*; рут. *кьари*; цах. *хьунашшена йед*; буд. *кьари*; хинал. *кьайин ана*; уд. *кьайна*; арч. *йакькьад «свекровь»*; лезг. *йаран диде*, *кьейинне*; таб. *сиджар баб*; агул. *хьиджар баб*, *сад кар бав*; рут. *кьайнана*; цах. *хьунашшена йед*; буд. *сузу диде*, *кьайнана*; крыз. *кьайнана*; хинал. *кьайнана*; уд. *кьайна*; арч. *йакькьад «теща»*. Относительно этих двух терминов можно сказать приблизительно то же самое, что в отношении обоих предыдущих. Здесь имеют место те же заимствования и комбинации из исконных и заимствованных слов, обозначающих жену и мать. Лишь в ахтынском диалекте лезгинского языка заимствованное *кьари* «старуха» в значении «свекровь» заменяется лезгинским *паб* «женщина (вообще)». Любопытна форма арчинского языка *йакькьад*, которая так же, как предыдущая, является заимствованием из аварского и разлагается на те же элементы, где *йа-* — окаменелый показатель класса женщин и выражает в термине женское начало, женщину. В целом внутренняя форма слова — «мать названная (сказанная)».

Термины «деверь» и «шурин»: лезг. *гъуьлуьн стха*, *хен*; таб. *шуван чви*, агул. *шуван чув*, *шуван чуй*; рут. *выггылды шу*, цах. *симамрай*; буд. *джам шид*; хинал. *мысий цсы*; крыз. *кьайни*, *хьайни*; уд. *севиче*, *чевече*

¹ Ср. названия для свекра — тестя, свекрови — тещи в андийских языках, где образование их более прозрачно: *имакьар* «отец названный (сказанный)», *иллакьар* «мать названная (сказанная)».

«деверь»; лезг. *йаран стха*, *къейни*, таб. *шивур чви*, агул. *хыран чув*, *хыран чуй*; рут. *хъыдылды чу*; цах. *къайни*; буд. *къайни*; крыз. *къайни*; хинал. *хинимкIури цсы*; уд. *къейни* «шурин». Названия для брата мужа и брата жены построены по тому же принципу, что и приведенные выше обозначения родственников по мужу и жене — это описания при помощи имеющихся в языке названий и заимствований.

Не поддается удовлетворительному анализу форма *хен*, зафиксированная в некоторых диалектах лезгинского языка. Цахурская лексема *симамай*, несомненно, восходит к груз. *simamri* «тесть». Удинские формы *севче*, *чевче* обнаруживают очевидную связь с уд. *вичи* «брат». Лексема *къейни* (*къайни*, *къайни*, *хъейни*), представленная в ряде лезгинских языков, — это обобщенный тюркский термин, обозначающий родственника по браку [12, с. 69] и переосмысленный здесь как название деверя или шурина.

В качестве обозначений золовки и свояченицы по языкам имеем: лезг. *гъуьлуьн вах*, *балдуз*; таб. *балдуз*; агул. *шуван чи*; рут. *балдыз*; цах. *сидедрай*; буд. *балдуз*; крыз. *балдыз*; *балдуз*; хинал. *мысий рцы*; уд. *ишу хунчи* «золовка»; лезг. *йаран вах*, *балдуз*; таб. *балдуз*; агул. *хыран чи*, *хеведин чи*; рут. *седуван*, цах. *балдыз*; буд. *балдуз*, *гъедж шидир*, *джем шидир*; крыз. *балдуз*; хинал. *шанчил рцы*; уд. *чумгъо хунчи* «свояченица».

Для обозначения сестры мужа и сестры жены в лезгинских языках описательные образования используются реже, чем в предыдущих терминах. Здесь широко функционирует тюркская лексема *балдуз*, которая в этом значении употребляется в казахском, киргизском, татарском, азербайджанском, туркменском и других языках. Интересно, что в некоторых тюркских языках этот термин может передавать родство по браку как по линии мужа, так и по линии жены, т. е. выражать понятия золовки и свояченицы (в каракалпакском и некоторых других тюркских языках он может обозначать и брата жены [12, с. 68]). В лезгинских языках термин *балдуз* означает только золовку или свояченицу.

Цахурская форма *сидедрай* «золовка» и, возможно, рутульская *седуван* «свояченица» восходят к грузинской лексеме *sidedr-i* «теща».

Термины «отчим» и «мачеха»: лезг. *тахай буба*; таб. *дархи аба*; агул. *даха дад*; рут. *джухуд дид*; цах. *духуна дак*, буд. *угай ада*, крыз. *даьх баьй*; хинал. *тIондаь бый*; уд. *бабалугъ* «отчим»; лезг. *тахай диде*, таб. *дархи баб*; *дархи дада*; агул. *даха баб*, *даха бав*; рут. *джурхундин*; цах. *духуна йед*, буд. *угай диде*; крыз. *даьх даьй*; хинал. *тIондаь даьдаь*; уд. *наналугъ* «мачеха».

Обозначения отчима и мачехи, как правило, являются в лезгинских языках также описательными образованиями, где с определяемыми «отец» и «мать» сочетаются определения «неродной», «нерожденный». В будухских формах прилагательное *угай* «неродной» заимствовано из тюркского источника. Представляют интерес обе удинские формы, произведенные от названий отца и матери посредством тюркского суффикса абстрактных имен *-лугъ*. Значение образованных таким путем терминов можно интерпретировать как «отцовство», «материнство», т. е. как «осуществляющие отцовство, материнство, заменяющие отца и мать».

Названия вдовца и вдовы суть здесь следующие: лезг. *хендеда итим*, *субай*; таб. *гъечIни жилир*, агул. *ашкIин*, *эшкIин*; рут. *хендедай*, цах. *синIури*, буд. *дул фури*; крыз. *хендедай фури*; хинал. *хиндед лыгылды*; уд. *суьпуьр ишу*; арч. *гема бушор* «вдовец»; лезг. *хендеда*, *хендеде*, *субай*; таб. *гъечIни шив*, *шьечIни хпир*; агул. *ашкIин*, *эшкIин*, рут. *хиндадай*, цах. *синIури*; буд. *дул гъедж*; крыз. *хендедай зыныб*, хинал. *хиндед хнимкIури*; уд. *суьпуьр чубух*; арч. *гема лIинол* «вдова».

В образовании этих терминов во многих лезгинских языках фигурирует основа *хендед* (*хиндед*, *хиндад*) «вдова, вдовец», которая в одних языках выступает как самостоятельная лексема, в других — как определение соответственно к компонентам «мужчина» и «женщина». Исконными являются и формы *ашкIин*, *эшкIин* «вдова, вдовец» агульского языка, и определения *гъечIни* и *гема* «вдова, вдовец» табасаранского и арчинского языков, которые трудно поддаются этимологизации.

В ряде лезгинских языков в качестве названных терминов используются заимствованные основы *субай* «одинокий» (> *сипӀыри*, *субӀуьр* и др.) и *дул*.

В роли обозначений зятя и жениха здесь имеем: лезг. *йезне*, *йазна*; таб. *йазна*, *гийав*; агул. *йезна*, *йазна*, рут. *йазна*; цах. *йезне*, буд. *йазна*, крыз. *хӀаммал*, *йазна*, хинал. *йезна*; уд. *йезна*; арч. *дуьц*, *нусттур* «зять», лезг. *ччам*, *бег*, *наврузбег*; таб. *ччам*, *гийав*, *адахлу*; агул. *наврузбег*, *йазна*, рут. *йазна*, цах. *цума*, *цыма*, *сума*; буд. *саьрхӀин*, *адахлы*; крыз. *саьхӀри*, хинал. *бег*, *аргаб*; уд. *бецеци*; арч. *нусттур* «жених».

В качестве названия зятя почти во всех языках лезгинской группы употребляется заимствованная из азербайджанского лексема *йазна*. В табасаранском функционирует и кумыкская основа *гийав*. Факультативную форму крызского языка *хӀаммал* можно сблизить с лексемой *гьалмагъ*, *гьалмах* «друг, товарищ», встречающейся в целом ряде других дагестанских языков и имеющей, как полагают, иранскую этимологию (ср. ср.-перс. *hamahl* «сотоварищ» [см. 14]).

Несколько особняком стоит арчинская форма *дуьц*, а параллельная ей форма *нусттур* восходит к распространенной в других дагестанских языках основе *нус* — названию невесты, новобрачной, невестки (см. ниже). Здесь произошло переосмысление последнего в название и для зятя, и для жениха.

Названия жениха по языкам несколько разнообразнее. Сюда входят и заимствованные *бег*, *наврузбег*, *адахлу*, *гийав*, *йазна*, и исконные общекорневые лексемы *ччам* лезгинского и табасаранского языков, *сума*, *цума* — цахурского, и *бецеци* — удинского. Другая исконная лексема — упомянутое выше будухское *саьрхӀин* и крызское *саьхӀри*. Особо стоит факультативная форма хиналугского языка *аргаб*, которая может обозначать здесь и невесту (засватанную девушку).

Термин «свояк» (муж свояченицы и мужа двух сестер) представлен следующими лексемами: лезг. *баджанах*, *баджа*; таб. *баджанах*, агул. *баджанах*, *паджиных*; рут. *баджанахъ*, цах. *баджанах*, буд. *балдузджа фури*, крыз. *баджанах*, *баджаьнах*, хинал. *баджанах*, уд. *йезнамух*.

Почти во всех лезгинских языках здесь выступает заимствованное из тюркских языков *баджа*, *баджанах*. Лишь в будухском употребляется описательное образование «муж свояченицы (золовки)». Удинская форма *йезнамух* состоит из тюрк. *йезна* и тюркского же суф. *-мух* < *-лух* < *-лухъ*, образующего абстрактные имена и участвующего в создании некоторых терминов свойства (ср. «отчим», «мачеха»).

Обозначение пасынка передается словами: лезг. *тахай хва*; таб. *дархи бай*, *дархи баж*; агул. *даха баьгӀж*, *дахе кӀиркӀ*; рут. *джуьхуьд дух*, цах. *дуьнуха дех*; буд. *угай гада*, *угай дих*; крыз. *дахай дих*; хинал. *тӀондаь ши*; уд. *оьгаь айил*. Как видно из материала, эта лексема образуется во всех лезгинских языках описательно — в основном при помощи элемента «сын», восходящего к глаголу «рождать» > «рожденный» > «родной», и прилагательного «нерожденный, неродной». Лишь в соответствующих наименованиях будухского и удинского языков определение «неродной» оказывается заимствованным из тюркского источника.

Термин «падчерица» представлен: лезг. *тахай руш*; таб. *дархи риш*, агул. *даха руш*, *дахе руж*; рут. *джуьхуьд рыш*, цах. *дуьнуна йиш*; буд. *угай риш*; крыз. *дахай риш*; хинал. *тӀондаь риж*; уд. *оьгаь хинаьр*. Он образован аналогично предыдущему — при помощи исконного первичного слова «дочь, девочка, девушка» и определения «неродной».

Обозначения семьи здесь следующие: лезг. *хизан*, *хазан*; *куьлфет*, таб. *хизан*, *куьлфет*; агул. *хизан*, рут. *хизан*, цах. *хизан*, буд. *аӀылаь*, *кулфат*; крыз. *куьфлат*, хинал. *аилаъ*, уд. *куьлфет*, арч. *хали*. Во всех языках, кроме арчинского, представлены заимствованные из арабского, персидского и тюркских языков лексемы. Форма крызского языка метатезирована. Арч. *хали* восходит к понятию «дом» (ср. хотя бы чамал. *хад*).

Термин «женитьба (свадьба)»: лезг. *мехӀер*, таб. *шив аӀлуь*, *сумчир*; агул. *хьир акьуб*, *хьир акьув*; рут. *кӀари рын*, цах. *хьунашше гьайӀи*; буд. *миткер*, крыз. *хьныб хӀойунджу*, *митфар*; хинал. *хнимкӀир сики-*

рий; уд. *лашко*, арч. *бертин*, *охъ*. В ряде рассматриваемых языков наименование строится описательно — «братъ жену» «делать жену», «приводить жену», причем и определяемое, и определение почти во всех языках оказываются исконными.

В трех лезгинских языках сохранились интересные формы *мехъер* (не из арабско-перс. *mâhr* «приданое, калым»?), *миткер*, *митфар*, в которых выделяется основа *митк* > *митф* и афф. мн. ч. *-ар* (*-ер*). Это слово явно отражает представление о множественности. В будухском языке в нем сохранилась пережиточная форма одного из локативных падежей (*миткерик* «на свадьбе»), уже утраченного и выпавшего из системы склонения. Сюда же, возможно, относится арч. *охъ*, при допущении, что в нем утерян начальный *м*, значение которого трудно определить.

Таким образом, следует отметить, что особенностью номенклатуры родственных отношений по браку в лезгинских языках является многозначность и недифференцированность отдельных терминов, обозначающих ближайших родственников лиц, состоящих в брачном союзе.

Описательный характер образования терминов свойства, наблюдаемый и в ряде других лексем рассматриваемой категории, перекликается с положением Л. Моргана о том, что в системах терминов свойства многих народов имеется большое число описательных названий, образующихся либо на базе основных терминов родства, либо посредством комбинации этих терминов [15]. И в то же время неразличение и недифференцированность большинства терминов свойства наводит на мысль, что они не играли сколько-нибудь важной роли в общем строе терминологии родственных отношений.

Следует, по-видимому, согласиться с мнением, высказанным В. Х. Конджария, которая склонна объяснять многозначность одного и того же термина свойства относительным характером терминов такого рода [16].

Последний термин, на котором мы остановимся в настоящей статье, — название невесты, новобрачной или невестки (снохи), которое представляет определенный интерес в историко-лингвистическом плане.

Эти названия суть следующие: лезг. *свас*, *хъвехъ*, *шваши*, *фис*, *ж°ас*, таб. *ш°уш°*, *сус*; агул. *сус*, рут. *сус*, цах. *сос*, *нишанлы* («невеста до свадьбы»); буд. *суз*, *серхъин* («невеста до свадьбы»), крыз. *сыс*, *сус*, *сакъри* («невеста до свадьбы»); хинал. *цъынас*, *аргаб* («невеста до свадьбы»); уд. *цъынас*, *бин* («невеста до свадьбы»); арч. *нусттур*. Как явствует из этого перечня, доминирующий однокорневой термин (*сус*, *сос*, *суз*...) в лезгинских языках стал обобщающим наименованием любимой девушки-невесты, затем за-сватанной, затем молодой жены (новобрачной) и, наконец, невестки (снохи) — жены сына, брата, дяди и т. д., вплоть до всех дальнейших родственников по крови. Другие термины, обозначающие помолвленную девушку до замужества или новобрачную (в первые месяцы — до рождения ребенка), постепенно перешли из активного словоупотребления в пассивный, а некоторыми лезгинскими языками утрачены вовсе. Функционирующие ныне в будухском и крызском языках основы *серхъин*//*сакъри* являются, как мы видели, и названиями жениха; такова же семантика хинал. *аргаб* и уд. *бин*, *бецеци*. Однако во всех четырех названных языках вместе с этими факультативными обозначениями помолвленной девушки до ее свадьбы существует и основной универсальный однокорневой термин, представленный и в остальных лезгинских языках, — *сус* (*свас*, *сос*). Варианты этой лексемы как результат закономерных фонетических соответствий функционируют в диалектах лезгинского и табасаранского языков. Многочисленные диалектные формы лезгинского слова объясняются различными соответствиями здесь между свистящими и шипящими спирантами, вплоть до денто-лабиализованного *ж°*, представленного в его отдаленном фийском диалекте [6, с. 75, 281, 288]. Все они предполагают исторически корневое *с*. Форму с денто-лабиализованным *ш°*, присутствующую в диалектах табасаранского языка, А. А. Магометов считает одним из звеньев этой цепи звукосоответствий [17]. Единая основа этого термина выступает и в других дагестанских языках и имеет своим общим знамена-

телем форму *нус*, которая совпадает с корнем [3, с. 132]. Из совокупности лезгинских языков именно эта основа зарегистрирована в хиналугском, удинском и арчинском языках. Начальные компоненты *цIи-(цIы-)* форм первых двух языков представляют собой элемент «новый» с общедагестанским корневым согласным *цI*, который составляет дополнительную характеристику основного термина. Конечный элемент *-ттур* арчинской формы является словообразующим аффиксом названий существ женского пола.

На этом анализ термина можно было бы закончить. Однако, на наш взгляд, интерес, представляемый данной лексемой, явно выходит за рамки изучения дагестанских и в целом иберийско-кавказских языков.

Как известно, во многих индоевропейских языках термин «сноха, невестка» имеет следующие формы: лат. *nurus*, др.-инд. *snuša*, арм. *ни*, др.-в.-нем. *snur* и др. Отсюда праиндоевропейская **snuso-s*, которая отдельными исследователями возводится к и.-е. **snus* «сын» (сноха = жена сына) [18]. Приведенная основа выявляет несомненную материальную общность с основой, представленной и в дагестанских языках. Широко распространенная здесь основа *нус* функционирует и в ряде других языков иберийско-кавказской семьи: ср. чечен. *нус*, инг. *нус*, чан. *нуса*, мегр. *носа*, туш. *нус*, адыг. *нысэ* и др.

Этимологизируя в осетинском языке термин *nostæ*, В. И. Абаев приходит к заключению, что «созвучие кавказских и индоевропейских названий снохи, невестки не случайно, а основано на древних кавказско-индоевропейских связях» [8, II, с. 190]. В чем же выражались эти связи — в заимствовании или в более глубоких отношениях, ведущих, в отдельных случаях к общим процессам образования некоторых языковых категорий? И, наконец, собирательность и обобщенный характер термина «невестка, сноха» и ряда других терминов свойства дает основание подтвердить на материале дагестанских языков вывод Ф. П. Филина о терминах родственных отношений в древнерусском литературном языке: «Древнерусская терминология родства в количественном отношении богаче и разнообразнее той, которая имеется в современном русском литературном языке. В дальнейшем своем развитии она теряет целый ряд первичных и производных своих элементов, которые заменяются или обобщающими названиями, или новыми словами, созданными по принципу чистой описательности (например, теперь мало кто употребляет такие обычные в недалеком прошлом слова, как *деверь*, *шурин*, а говорит *брат мужа*, *брат жены*)» [19]. Добавим к сказанному, что в современном русском языке совершенно утрачен термин «ятровь, ятровка» (жена брата мужа, невестка), которого не находим даже в толковом словаре С. И. Ожегова 1973 г. издания. Очень редко употребляется в отношении к названию мужей родных сестер термин «своаяк, свояки», почти как архаизмы воспринимается и целый ряд других терминов родственных отношений по браку.

Аналогичная картина наблюдается и в дагестанских языках, в частности, в языках лезгинской группы. Совершенно вышел из употребления, сохранившись лишь в устойчивых словосочетаниях и идиомах, термин для названия второй жены одного мужа. Следует отметить, что почти во всех лезгинских языках наблюдается тенденция к замене названий мужа и жены тюркским *юлдаш* «спутник, товарищ». Последнее слово расширило свою семантику и перешло на обозначение супругов. Показательно, что эти функции выполняет именно термин, подчеркивающий нынешние равноправные взаимоотношения супругов в семье.

На пути перехода из активного словаря в архаизмы находятся такие термины, как *къелид*, *къелидар* «ятрови», *хен* «деверь», многочисленные дифференцированные названия для невесты и жениха до сватовства, после сватовства, до свадьбы, после свадьбы и т. д. Последние слились в единое универсальное *сус* (*сос*, *свас*), связываемое нами с общедагестанским *нус*, передающим понятие невестки (вообще) и *йазна* зятя (вообще) и др. Резюмируя сказанное, естественно прийти к заключению, что вместе с распадом исторической большой семьи и созданием индивидуальной семьи, где родственники не живут и не могут жить совместно (в частности, вести

одно хозяйство), сокращаются повседневные контакты между родственниками по свойству, а вместе с тем и необходимость функционирования соответствующих терминов. Последние постепенно теряют свою конкретную дифференцированность и приобретают более широкую семантическую характеристику. В этом процессе будущее остается за более обобщенными терминами.

Таким образом, язык отражает изменения, происшедшие в жизни его носителей,— номенклатура родства в данном случае все более приходит в соответствие с нормами современной семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 47.
2. *Штернберг Л. Я.* Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1938, с. 72.
3. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
4. *Панек Л. Б.* О некоторых терминах родства и грамматических классах в дагестанских языках.— В кн.: *Языки Дагестана.* Вып. II. Махачкала, 1954.
5. *Шавелишвили Б. А.* Термины родства в нахских языках: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1978.
6. *Мейланова У. А.* Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964.
7. *Мейланова У. А.* Отражение грамматического класса в именах существительных дагестанских языков.— Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XIII. Махачкала, 1963.
8. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М., 1958; Т. II. Л., 1973.
9. *Талибов Б. Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980, с. 315—324.
10. *Бокарев Е. А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, с. 59—60.
11. *Джейранишвили Е. Ф.* Случай pluralia tantum в удинском языке.— ИКЯ, 1948, т. II.
12. Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
13. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
14. *Виноградова О. И.* Древние лексические заимствования в дагестанских языках: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982, с. 9.
15. *Морган Л.* Древнее общество. Л., 1934, с. 222.
16. *Конджария В. Х.* Термины родства и семейных отношений в абхазско-абазинских диалектах.— ИКЯ, 1975, т. II, с. 112.
17. *Магомедов А. А.* Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, с. 55—57.
18. *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства. М., 1959, с. 131.
19. *Филин Ф. П.* О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке.— Язык и мышление. Т. XI. М.— Л., 1948, с. 330.